

УДК 341

О. А. Матусевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель (БГТУ)**МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ГЕНЕЗИС И ПРОТИВОРЕЧИЯ**

Статья посвящена анализу мемориального законодательства. Автор изучает причины возникновения мемориальных законов, особенности мемориального законодательства в различных странах. В статье рассматриваются противоречия данных законов основам правового регулирования и сфере исторических исследований, высказывается сомнение в целесообразности принятия мемориальных законов и возможности их применения в судебной практике без нарушения прав и свобод личности.

The article is devoted to the analysis of the memorial legislation. The author studies reasons of origin of memorial laws and features of the memorial legislation in various countries. Contradictions of these laws to bases of legal regulation and the sphere of historical researches are considered in the article. The author doubts the expediency of adoption of memorial laws and application of these laws in jurisprudence without violation of personal rights and liberty.

Введение. Рост интереса к проблеме коллективной памяти наблюдается не только среди ученых, но и в обществе в целом. Прошлое воспринимается как ценность, формируется представление, что память о прошлом нуждается в защите, что привело к созданию мемориального законодательства. Распространенными в современных системах права стали законы о защите историко-культурного наследия, но говоря «мемориальное законодательство» имеют в виду нормативно-правовые акты другого содержания, а именно направленные на криминализацию создания ревизионистских национальных нарративов или отрицания исторических событий.

Основная часть. Мемориальные законы существуют в ряде европейских стран, причем в 1990-е и 2000-е гг. можно было наблюдать стремительный рост мемориального законодательства. Один из ведущих российских специалистов по исторической политике Николай Копосов выделяет мемориальные законы двух типов: сугубо декларативного характера, выражающие официальную оценку государством какого-либо исторического события или явления, а также законы, криминализирующие те или иные взгляды на прошлое (то есть вводящие уголовное наказание за их публичное выражение) [1].

Большинство мемориальных законов являются декларативными. Однако в некоторых странах (Австрии, Германии, Бельгии и др.) законы предусматривают уголовное наказание – вплоть до 10 лет лишения свободы (Чехия, Румыния) за отрицание Холокоста. В Швейцарии и Бельгии является уголовным преступлением отрицание геноцида армян в Турецкой империи в 1915–1923 гг.

Классической страной мемориального законодательства является Франция, которая также стала центром движения интеллектуалов против принятия подобных правовых актов. К мемориальным законам во Франции относятся: закон Гессо 1990 г., объявляющий уголовно на-

казуемым преступлением отрицание Холокоста; закон 2001 г., признающий геноцидом истребление армян в Турции (с 2006 г. отрицание данного факта квалифицировалось как уголовное преступление); закон Тобира 2001 г., объявляющий работорговлю преступлением против человечности; закон 2005 г. о французском «присутствии» в бывших колониях.

В ответ на протесты профессионального исторического сообщества французский парламент создал специальную комиссию по вопросу о мемориальных законах. Итогом обсуждения данной проблемы стала рекомендация комиссии воздержаться от дальнейшего принятия мемориальных законов, поскольку «принимать законы, дающие характеристику или выражающие оценку исторических фактов, не является функцией Парламента» [1]. В 2012 г. закон, предусматривающий уголовное наказание за отрицание геноцида армян, был признан противоречащим конституции и отменен.

Специфика мемориального законодательства Испании во многом обусловлена особой исторической политикой, проводимой в стране со времени падения режима генерала Франко. Официальной позицией было табуирование спорных или неудобных с точки зрения национального согласия тем гражданской войны и франкизма. Кардинальные перемены произошли с приходом в 2004 году к власти социалистов, которые не преминули прибегнуть к использованию «исторического компромата» против своих соперников, что стало уже нормой политической практики в Европе. В Испании 2006 г. был провозглашен «годом исторической памяти», в 2007 г. был принят мемориальный закон. Согласно закону осуждался фашистский режим генерала Франко, реабилитировались жертвы гражданской войны и диктатуры, открывался доступ в архивы, провозглашалось начало символической дефранкизации (ликвидации франкистской символики, памятников,

названий улиц и т. д.) [2]. «Закон исторической памяти Испании» был направлен против, соперников социалистов – Народной партии, функционеры которой в прошлом были связаны с франкизмом. Однако закон оказался компромиссным, уравнивал жертв гражданской войны со стороны как антифашистского движения, так и профашистских сил. Стремление разоблачить преступления прошедшей эпохи, по сути, стало политическим ресурсом в борьбе с оппонентами.

Похожая ситуация сложилась в Польше, где люстрацию попытались использовать против политических деятелей времен «Солидарности», поскольку многие политики и чиновники, пришедшие во власть в 1990-е гг., начинали свою карьеру в госструктурах Народной Польши, тем самым, по мнению политиков более молодого поколения, поддерживали просоветский режим и были молчаливыми соучастниками преступлений того периода.

В 2007 г. было принято рамочное решение Европарламента, предлагающее странам ЕС запретить отрицание Холокоста. Однако инициатива Германии не нашла поддержку. В ходе обсуждения Литва и Латвия высказали также не нашедшее поддержки предложение ввести наказание и за отрицание преступлений сталинизма. Проекты законов, предусматривающие такое наказание, были предложены в Польше, Украине и Литве. Данные законопроекты демонстрируют специфику памяти восточно-европейского региона, которая проявляется в стремлении криминализовать события, связанные не только с фашизмом, но и коммунистическим прошлым.

В Польше по закону об Институте национальной памяти – комиссии преследования преступлений против польского народа, криминализировалось в равной мере отрицание преступлений нацизма и коммунизма против поляков и польских граждан. Закон предусматривает санкцию до трех лет лишения свободы.

В 2006 г. в Украине был принят закон, объявляющий Голодомор «геноцидом Украинского народа» и признающий его публичное отрицание противоправным. Впоследствии попытка принять закон, предусматривающий уголовную ответственность за отрицание Голодомора и Холокоста, не увенчалась успехом. Не так давно был принят еще один мемориальный закон, предусматривающий уголовную ответственность за отрицание или оправдание преступлений нацизма.

В Литве в 2009 г. Сейму была предложена поправка в Уголовный кодекс, вводящая уголовную ответственность для тех, кто «пропагандировал, отрицал, грубо умалял или оправ-

дывал геноцид или другие преступления, совершенные коммунизмом или фашизмом» [1].

Во многих странах принимались постановления, резолюции и прочие документы, содержащие оценки исторических событий, при этом мемориальные законы не существуют в большинстве стран. Их нет, например, в США. В Англии их признали несовместимыми со свободой слова. По примеру англичан от этой законодательной инициативы отказались в Венгрии. Их даже нет в Японии, Италии и Финляндии, странах, откровенно симпатизирующих в период войны нацистским идеям. В тех государствах, где появлялась подобная законодательная инициатива, наблюдались бурные дебаты относительно необходимости мемориального законодательства.

Споры вокруг принятия мемориальных законов носили характер острой публичной полемики с участием исторического сообщества и юристов. Историки усматривают в мемориальном законодательстве посягательство на свободу научных изысканий, попытку установления идеологического диктата над научным творчеством. Юристы видят в подобных законах ограничение свободы слова, противоречие конституциям, отсутствие нормативного характера и реальных возможностей правоприменительной практики.

Аргументация, приводимая противниками мемориального законодательства, весьма обоснована (что не удивительно, поскольку формулируют ее ученые) и хорошо известна в отличие от позиции сторонников и инициаторов этих законов (большинство их составляют политики, общественные активисты), которые неохотно вступают в публичные прения.

В чем заключаются противоречия и недостатки мемориального законодательства? С юридической точки зрения стоит отметить сомнительность правового регулирования сферы исторических исследований и коллективной памяти. Можно ли на законодательном уровне закреплять определенный образ исторических событий, вводить уголовную ответственность за публичные высказывания или интерпретации прошлого без ограничения прав и свобод личности? Не является ли это попыткой установления государственной идеологии, когда истинной провозглашается одна единственная версия прошлого? Рассматривая мемориальные законы, несложно провести аналогию со средневековыми методами борьбы церкви с научным прогрессом, которые не остановили научные исследования, но от которых пострадали многочисленные ученые. Опыт Европы неоднократно доказывал неэффективность и опасность попыток централизованно с использованием

властного ресурса контролировать научные и обыденные представления о реальности, в том числе исторической.

Правовое регулирование неприменимо во всех сферах жизни общества, к нему прибегают в тех областях, в которых упорядочивание отношений объективно невозможно без использования правовых средств. Является ли таковой сферой наука? Развитие научной мысли убедительно доказывает, что в науке выработаны свои эффективные способы регулирования научных исследований, среди которых использование научных методов и критика в рамках академического сообщества полученных результатов. Наука является саморегулирующейся системой, что проверено на протяжении тысячелетий. В теории права четко сформировано представление, что сферы и пределы правового регулирования не должны определяться текущими задачами государства в тот или иной период времени, так как это неизбежно приведет к ненормативности права и ограничению правовой свободы (что можно было наблюдать на примере законов, принимаемых в период революций). Нормативность правового регулирования предполагает направленность правового воздействия на виды общественных отношений, а не индивидуальные формы их проявления, на формализованные отношения, которые поддаются государственно-правовому контролю. Обладают ли законы, закрепляющие одну из возможных точек зрения на историю 20 века, нормативностью? Судя по существующей правоприменительной практике мемориальных законов – нет. Образ прошлого и процесс его создания нельзя отнести к сфере правового регулирования, если не исходить из того, что их роль в современном обществе кардинально изменилась. Либо принятие мемориальных законов как раз свидетельствует об изменении значения картины прошлого и коллективной памяти в современной Европе.

Если прошлое и память о нем превращаются в ресурс, особенно управленческий, тогда массовые представления о прошлом и процесс их создания подпадают под правовое регулирование, поскольку их можно отнести к сфере реализации властных полномочий и управленческих отношений, а также отношений по обеспечению защиты общественного порядка. О том, что прошлое стало ресурсом, могут свидетельствовать и коммерциализация истории (туризм, антикварный рынок, компьютерные игры и кинематограф, успешно эксплуатирующие образы прошлого и манетизирующие их), а также

«конкуренции памятей», используемые в информационных войнах во внутригосударственной и межгосударственной политической борьбе, что привело к появлению так называемой «дипломатии памяти».

Инструментальное использование образов прошлого для извлечения экономической или политической выгоды превратило историю в ресурс, что делает возможным возникновение правовых механизмов регулирования в сфере исторической политики, которая распространяется на процессы формирования коллективной памяти, в том числе и научные исследования.

Однако подобная практика чревата попытками распространения административных способов контроля над историей, и такие предложения, доводящие до абсурда расширение мемориального законодательства, не заставили себя долго ждать. Так появилась идея создания Международного исторического арбитража, в который сомневающиеся в «истинности общепризнанных исторических фактов» должны в исковой форме, «не оставляя лазеек для множественности толкований», изложить «аргументы и доказательства своей правоты». Арбитраж должен рассматривать такие «иски» и готовить свои научные заключения, которые бы не имели юридической силы, но были бы основанием для принятия судебных решений. Существование арбитража «способствовало» бы уменьшению вреда и общественной опасности, «которые таит в себе параллельное и юридически не оспоренное существование двух разных «истин» [3].

Закключение. Таким образом, мемориальное законодательство стало инструментом в проведении исторической политики, или так называемой политики памяти, как внутри европейских стран, так и на международной арене.

Литература

1. Копосов Н. Политика памяти и мемориальные законы // Интернет-журнал ГЕФТЕР 2012. 28 фев. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/3302>. Дата доступа: 18.01.2014.
2. Руис Н. Испания: исторический закон // «Newsspain.ru». 2007. 2 нояб. Режим доступа: <http://www.newsspain.ru/novost1440.html>. Дата доступа: 18.01.2014.
3. Полян П. Попытка оправдания дьявола. Наказание отрицателей и исторический арбитраж // Еврейская газета. 2008. № 12 (76). Режим доступа: http://www.evreyskaya.de/archive/artikel_932.html. Дата доступа: 18.01.2014.

Поступила 07.03.2014